

На правах рукописи

М. Тобуу-С

БАВУУ-СЮРЮН МИРА ВИКТОРОВНА

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ
ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА**

10.02.20. – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Новосибирск – 2018

Работа выполнена в научно-образовательном центре «Тюркология» ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук, профессор

Дыбо Анна Владимировна
(Институт языкознания РАН)

доктор филологических наук, профессор

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна
(Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН)

доктор филологических наук, профессор

Боргоякова Тамара Герасимовна
(ФГБОУ ВО «ХГУ имени Н.Ф.Катанова»)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт гуманитарных
исследований и проблем малочисленных народов
Севера» СО РАН (г. Якутск)

Защита диссертации состоится 21 декабря 2018 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защитам диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН по адресу:

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

тел.: (383) 330 84 69

факс: (383) 330 15 18

e-mail: dissovet_d_003.040.01@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

Полный текст диссертации доступен по адресу <http://www.philology.nsc.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Н.Р. Ойноктинова

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена истории формирования диалектной системы младописьменного тувинского языка.

Тувинский язык – национальный язык коренной титульной нации Республики Тыва (РТ), одного из субъектов Российской Федерации. Республика расположена на юге Красноярского края, на юге и юго-востоке граничит с Монголией, на западе – с Республикой Горный Алтай, на северо-востоке – с Иркутской областью.

Кроме территории Республики Тыва тувинцы живут компактно в селе Усинское Красноярского края РФ (около 500 человек), Северо-Западной Монголии (всего не более 7 тыс. человек), в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая (не более 2500 человек). Всего на тувинском языке говорит около 260 тыс. человек, из них в РТ проживает 249 тыс. тувинцев (данные переписи 2010 г.).

По классификации Н. А. Баскакова тувинский язык принадлежит восточно-хуннской ветви тюркских языков, её уйгуро-тюкуйской подгруппе, вместе с тофаларским языком.

Актуальность темы. Диалектные материалы любого языка дают возможность лингвистам проникнуть в суть исторических процессов, происходивших в языке. Они особенно ценны для младописьменных языков, у которых отсутствуют письменные источники. В этом отношении не является исключением тувинский язык, для которого письменность была создана в 1930 году. Именно поэтому сбор полевого материала по всем диалектам и говорам тувинского языка и дальнейшее их теоретическое осмысление в сравнительно-сопоставительном плане с близкородственными тюркскими языками саянской группы является важнейшей задачей сегодняшнего дня. В дальнейшем полученные результаты послужат для сравнительно-исторического их изучения и создания исторической грамматики тувинского языка.

Тувинская диалектология – неотъемлемая часть российской тюркологии, тюркской диалектологии. Ее терминология базируется на русской терминологической системе. Объем понятий и терминов (наречие, диалект, говор и подговор) определяется практически, исходя из особенностей диалектной системы конкретного языка, поэтому он различен по языкам [Убрятова 2010].

Активные диалектологические исследования в тюркологии, проводившиеся в СССР под руководством научных центров Москвы, Баку, Новосибирска, после 80-х годов прошлого века пошли на убыль. Вновь они возобновились в связи с продолжением работы над серией «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», особенно в части «Региональные реконструкции» [2002]. В 2010 году вышел I том давно подготовленной и уже переработанной серии «Диалекты тюркских языков», в том же году Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН во главе с его научным руководителем Ф. Г. Хисамидтиновой стал организатором ежегодных конференций по тюркской диалектологии, которая быстро обрела статус всероссийской конференции по актуальным проблемам диалектологии языков народов России.

Диалектологические исследования в тувинском языкознании активизируются, начиная с конца 1950-х годов благодаря коллективам сектора языка Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), а также кафедры тувинской филологии Кызылского государственного педагогического института (КГПИ). Эту работу возглавлял А. А. Пальмбах, в ней принимали активное участие З. Б. Чадамба, Г. Ф. Бабушкин, Ш. Ч. Сат, Я. Ш. Хертек, А. К. Делгер-оол, М. Х. Сарыкай и др.

На следующем этапе диалектологических исследований в Туве ученые результаты своей деятельности стали представлять в виде специальных диссертационных исследований и монографий. Это работы З. Б. Чадамба [1974], П. С. Серен [1993, 2000], М. Д. Доржу [2002], Е. М. Куулар [2003]. Появились специальные работы по зарубежным диалектам и говорам тувинского языка Д. А. Монгуша [1985], У. Цэцэгдарь [1999, 2006, 2013], Б. Баярсайхан [2002, 2006, 2009, 2010], Х. Гансук [2009 б, в], М. В. Бавуу-Сюрюн [2008-2012]; зарубежных авторов Т. Mawkanuli [1999], E. Ragagnin [2011]. Особенности диалектов в области фонетики получили свое отражение в ареальных исследованиях М. Б. Мартан-оол [1986], К. А. Бичелдея [1999], в области лексики работы П. С. Серен [1993, 2000], Л. С. Кара-оол [2006]. Вышел из печати диалектный словарь М. Д. Доржу [2002], группой авторов составлен электронный

словарь диалектных слов алтайского диалекта тувинского языка [2012].

Вопросам классификации местных разновидностей тувинского языка посвящена статья А. А. Пальмбаха «О классификационных признаках территориальных диалектов тувинского языка» [1968]. З. Б. Чадамба в работе «Тоджинский диалект тувинского языка» определяя место идиома тувинцев-тоджинцев в системе диалектов тувинского языка, изложила свой взгляд на эту систему [1974].

Вузовский учебник Ш. Ч. Сата «Тыва диалектология» [1987] в настоящее время остается единственной обобщающей работой по диалектам и говорам тувинского языка. В ней использована уточненная классификация Н. А. Баскакова. Работа отражает состояние диалектологических исследований тувинских учёных к середине 1980-х годов. Другие работы, появившиеся после данной публикации, либо касаются статуса отдельной территории [Доржу 2002; Серен 2006], либо только уточняют классификационные признаки и диалектное членение отдельных территорий [Куулар 2012]; расширяют территории распространения диалектов и говоров, вводя новый материал [Гансух 2009; Цэцэгдарь 2013].

Несмотря на значительные достижения диалектологов, пока ещё нет специальных работ по вопросам формирования диалектной системы тувинского языка.

Таким образом, выбор темы продиктован отсутствием обобщающих теоретических исследований по истории формирования диалектов и говоров тувинского языка.

Объектом данного исследования являются диалекты и говоры тувинского языка.

Цель работы – установление истории формирования современной системы говоров и диалектов тувинского языка.

Намеченная цель определяет решение следующих задач:

- определить интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях;
- на их основе установить современную систему диалектов и говоров тувинского языка;
- выявить причины, обусловившие появление интегральных и дифференциальных признаков диалектов и говоров;

- выявить относительную хронологию и пути формирования диалектов и говоров тувинского языка;
- определить ареалы распространения наиболее характерных диалектных черт.

Положения, выносимые на защиту:

1. Диалектное членение тувинского языка произведено на основе совокупности лингвистических признаков, так как в тувинском языке нет четко противопоставленных критериев, явно очерченных ареалов распространения диалектных различий.

2. При выделении диалектов рассматривались различия в области фонетики, лексики, грамматики от литературного тувинского языка (ЛТЯ) и других диалектов. Говоры выделены в составе диалектов на основе сопоставления как с ЛТЯ, так и с говорами в составе одного диалекта. Отдельные черты говоров и диалектов сближают их с другими диалектами и говорами, обусловлено это особенностями местных разновидностей тувинского языка.

3. В диалектном отношении тувинский язык, на территории проживания основной массы носителей языка, более однороден, чем на тех территориях, которые оказались оторванными в силу природных препятствий, исторических событий. Традиционные интенсивные контакты диффузного характера, социально-экономические связи способствовали формированию в центральной части Тувы диалектов с небольшими диалектными различиями.

4. На основе совокупности лингвистических данных мы выделили: центральный диалект с дзун-хемчикским, эрзин-тес-хемским, улуг-хемским, овюрским и тандынским говорами; западный диалект с бай-тайгинско-барун-хемчикским, монгун-тайгинским, кара-хольским говорами; тере-хольский, тоджинский, цагаан-нурский диалекты; алтайский диалект с кобдоским, цэнгэльским, китайским говорами.

5. Диалекты и говоры характеризуются как сохранившимися из древнеуйгурского, древнекыргызского, древнеогузского языков реликтовыми чертами, так и инновационными чертами, появившимися под влиянием языковых контактов разного уровня.

6. Диалектные черты, сформированные в результате поздних языковых контактов, имеют абсолютные хронологические рамки;

более ранние, где это возможно, определяются только в относительном плане.

7. Наиболее поздними являются алтайские, казахские, китайские, русские заимствования. Если заимствования из первых трёх языков стали результатом маргинальных контактов, то русизмы проникали в диалекты и говоры разными путями: непосредственными маргинальными и опосредованными языковыми контактами.

8. Современные диалектные черты тувинского языка являются результатом как междиалектных, так и межязыковых связей, развитием собственных ресурсов.

9. В плане проявления диалектных черт, обусловленных языковыми контактами разного характера, западный диалект проявляет общие черты с алтайским, шорским языками и алтайским диалектом тувинского языка.

Тоджинский, цагаан-нурский и тере-хольский диалекты проявляют общность с тофаларским, сойотским и уйгур-урянхайским языками.

Эрзинско-тес-хемский говор более подвержен монгольскому влиянию, чем остальные внутренние диалекты и говоры; в этом он проявляет сходство с зарубежными диалектами. Изолированные диалекты и говоры сохраняют больше архаичных черт, чем диалекты и говоры, распространенные в центральной части Тувы.

Монгольское влияние на диалекты и говоры имеет разновременный характер, в своих отдельных чертах отличается от влияния на ЛТЯ.

10. Учитывая экстралингвистический фактор, диалекты группируются как *внутренние* и *зарубежные*; *степные*, *таёжные* и *таежно-степные*. С учетом возможностей коммуникации фиксируются *изолированные* тоджинский и тере-хольский диалекты наряду с зарубежными диалектами. *Наличие письма* на родном языке характеризует внутренние диалекты как функционирующие наряду с литературной письменной формой языка, а зарубежные диалекты – при отсутствии письменности, кроме цэнгэльского говора, где только в конце XX века началось обучение на тувинском языке, созданы учебники для начальной школы.

11. По степени витальности диалекты и говоры находятся в критических позициях. Заметно нивелирующее воздействие литературного языка на внутренние диалекты и говоры,

ассимилирующее – монгольского и казахского языков – на зарубежные диалекты.

Научная новизна исследования. Настоящая работа представляет собою первое монографическое исследование истории сложения современной системы диалектов и говоров тувинского языка, путей их формирования. Впервые в наиболее полном виде проанализированы классификационные признаки диалектов и говоров; выявлены наиболее релевантные дифференциальные и интегральные черты диалектов и говоров тувинского языка по отношению к литературному языку и по отношению друг к другу. Диалекты классифицированы по целому комплексу признаков. Впервые в состав диалектной системы тувинского языка введены идиомы зарубежных групп тувинцев, определён их статус по отношению к ЛТЯ и по отношению друг к другу; выявлены пути их формирования.

Определена роль древнетюркского, древнеуйгурского, древнекыргызского компонентов, межъязыковых связей с сибирскими тюркскими языками в формировании диалектных черт тувинского языка.

Установлены относительные временные рамки, в которых шло формирование диалектных черт местных разновидностей тувинского языка. Определены экстралингвистические факторы, повлиявшие прямо или опосредованно на формирование современной диалектной системы тувинского языка, и выявлены причинно-следственные связи между ними. Выявлена роль этнического компонента в формировании дифференциальных и интегральных черт диалектов и говоров тувинского языка.

В диссертации впервые вводится в научный оборот ранее неизвестный материал, отражающий результаты полевых исследований, особенно по зарубежным диалектам. Начата работа по созданию диалектного корпуса тувинского языка: обрабатывается база данных (аудио-, видео-, фото-, текстовые материалы) по образцам диалектной речи, разрабатываются программы по созданию электронных карт с использованием ГИС-технологий. Первые результаты данной работы представлены на сайте «Электронный корпус текстов тувинского языка» по адресу: <http://www.tuvacorpus.ru/?q=node/21>.

Методы и приемы исследования. Использованы сравнительно-сопоставительный, по необходимости – сравнительно-исторический, описательный методы. Применялись приемы картографирования, анкетирования. Использован весь комплекс различных видов полевой деятельности.

Материал исследования. Основным источником при написании работы явились полевые материалы автора, собиравшиеся в течение более двадцати лет (1996–2016 гг.), во время экспедиций в различные кожууны (районы) республики, а также в места компактного проживания этнических тувинцев на других территориях России, в Монголии и Китае. Проработаны документы из рукописного отдела ТНИИЯЛИ –ТИГИ, диалектологического фонда кафедры тувинского и общего языкознания ТувГУ; материалы из опубликованных работ как по диалектологии, так и по этнографии тувинцев.

Все полевые записи осуществлены на магнитных или цифровых носителях, которые составляют банк данных диалектных текстов формируемого в настоящее время диалектологического корпуса тувинского языка. Общий объем устного материала составляет 84 часа непрерывного звучания.

Теоретической и методологической базой исследования стали серия коллективных трудов по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, по диалектологии тюркских языков Н. А. Баскакова [1964, 1966], Э. Р. Тенишева [1953, 2006], Н. З. Гаджиевой [1980], Е. И. Убрятовой [2010], Л. А. Покровской [1966]; по древним тюркским языкам С. Е. Малова [1951, 1957], В. М. Насилова [1963]; по ареальной лингвистике М. А. Бородиной [1976, 1982], Н. З. Гаджиевой [1979, 1980], Г. Ф. Благовой [1982], по истории и диалектологии тюркских языков Сибири Е. И. Убрятовой [2010, 2011], Н. Н. Широковой [2005]; по этимологии тюркских и урало-алтайских языков Э. В. Севортяна [1974, 1978], по урало-алтайским языкам Н. А. Баскакова [1981], И. В. Кормушина [1984], А. В. Дыбо [1996, 2007], по диалектам сибирских тюркских языков Е. И. Убрятовой [1985], Д. Г. Тумашевой [1977], по тюрко-монгольским языковым связям В. И. Рассадина [2007, 2008], Б. И. Татаринцева [1976]. Теоретическое осмысление синтаксических явлений говоров и диалектов тувинского языка

осуществлено с опорой на работы М. И. Черемисиной [1984, 1986] и Л. А. Шаминой [1987, 2001].

Вопросы *социолингвистики*, в том числе языковые контакты, освещались с учетом основных положений работ В. А. Аврорина [1975], У. Вайнрайха [2000], В. И. Карасика [2002]. Языковая ситуация в регионе анализировалась с учетом работы Т. Г. Боргояковой [2002, 2017].

Разграничение языка и диалекта, определение статуса территории, имеющей определенные отклонения от литературного языка, являются для тувинского языкознания одним из важных вопросов в связи с включением в поле исследования малоизученных и неизученных ареалов, где проживают этнические тувинцы, но которые находятся на территории других государств. При определении статуса таких идиом принимались решения на основе теоретических положений, выдвинутых в работах Б. А. Серебренникова [1970], Л. Э. Калнынь [1976], Д. И. Эдельман [1980], С. Е. Яхонтова [1980].

Решение вопроса о наделении конкретного ареала распространения тувинского языка на уровне диалекта или говора проводилось с учетом решения данной проблемы на материале других тюркских языков как со сложной диалектной системой, таких как узбекский, башкирский, так и однородной диалектной системой как якутский язык. По узбекской диалектологии по работам А. Б. Джураева [1991], башкирской диалектологии по работам Т. Г. Баишева [2006], по якутскому языку по работе М. С. Воронкина [1999], С. А. Иванова [2014].

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении истории и исторической грамматики, диалектологии тувинского языка и в практике преподавания тувинского языка в школе и вузе. Данная работа может содействовать историко-этимологическим, сравнительно-сопоставительным, диалектологическим, ареальным исследованиям по языкам Центральной Азии, Сибири, а также при составлении различных словарей тувинского языка. Работа представляет интерес для тюркологов, исследователей алтайской семьи языков, специалистов по типологии языков.

Теоретические результаты станут основой при создании серии учебников по тувинскому языку для начальных и средних классов в школах Монголии, где обучение ведется на тувинском языке в условиях изолированного зарубежного диалекта.

Результаты исследования будут способствовать совершенствованию норм литературного языка, практическому применению устного и письменного тувинского языка во всех сферах его функционирования, проведению лингвистических экспертных работ.

Апробация и публикация. Основные результаты исследования излагались автором на *международных конференциях*: «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов» [Монголия, Ховд 1998, 1999], «Становление и развитие науки в Туве» [Кызыл 2000], «Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая» [Абакан 2001], «Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири» [Новосибирск 2005], «Тюрко-монгольские языковые связи» [Улан-Удэ 2006], «Казань и алтайская цивилизация: 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция [Казань 2007], «Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование» [Кызыл 2009]; «Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы» [Кызыл 2010], «Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центральноазиатского региона» [Кызыл 2010], «Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации» [Новосибирск 2010], «Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В. М. Наделяева)» [Кызыл 2012], «Язык, культура и межкультурная коммуникация» [Монголия, Ховд 2012], «Ойратология: Исторические и культурные деятели ойрат-монголов» [Монголия, Ховд 2012], «Преподавание родных языков для детей малочисленных этнических групп Монголии» [Улаанбаатар 2012], «Исследование проблем исчезающих языков в условиях глобализации» [Элиста 2013]; «Цаатаны – возрождение культуры и языка» [Улаанбаатар 2013]; «Китай и русский мир. Международный форум «Язык, культура и «мягкая сила культуры»».

[Китай, Гуанчжоу 2016]; *всероссийских и региональных «Языки народов Сибири и сопредельных регионов»* [Новосибирск 2009-2011, 2014, 2016], «Проблемы преподавания языков в школе и вузе» [Кызыл 2011], «Развитие языков и культур коренных народов Саяно-Алтая» [Абакан 2007], «Тенишевские чтения» [Москва 2013], «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» [Уфа 2011-2012, 2017], «Диалог культур в едином образовательном пространстве: традиционные ценности и инновационные решения» [Москва 2014], «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности» [Москва 2015], «Миноритарные языки в современном поликультурном пространстве» [Абакан 2017, 2018], «Современные этнические процессы на территории Центральной Азии» [Улаанбаатар 2018]; на заседаниях Российского комитета тюркологов [Казань 2011; Москва 2017]; *и республиканских конференциях*: «Сатовские чтения» [Кызыл 2006-2017], «Аранчыновские чтения» [2009, 2011], ежегодных конференциях ТувГУ [1997-2017].

По теме диссертации опубликованы 52 работы объемом 24 п.л., в т.ч. 11 статей в изданиях, рекомендованных ВАК; составлены 5 баз данных и 6 программ ЭВМ, приравняваемых к публикациям ВАК, 1 монография.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, двух приложений с 15 картами и четырьмя образцами прогlossированных диалектных текстов по изолированным диалектам и говорам, списка сокращений и условных обозначений. Она содержит 20 таблиц. Основной текст изложен на 320 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе «Экстралингвистические факторы, влияющие на состояние диалектов и говоров тувинского языка» рассматриваются исторические условия формирования как тувинского языка в целом, так и его местных разновидностей; социально-экономические и территориальные факторы, влияющие на судьбы диалектов.

Носители диалектов тувинского языка до середины прошлого века оставались кочевыми скотоводами, пока не были вовлечены в процесс коллективизации. В настоящее время часть их сохраняют традиционный кочевой образ жизни. Современные территории распространения диалектов и говоров находятся там же, где веками жили их носители – родоплеменные группы. Традиционные пути сообщений обеспечивали тесное общение между родоплеменными группами. Это обусловлено историческими факторами. Поэтому тувинский язык на территории проживания основной массы носителей языка более однороден, чем на тех территориях, которые оказались оторванными в силу природных препятствий и исторических событий.

Нижней границей начала формирования диалектных черт следует признать время существования древних тюркских языков, от которых сохранились отдельные языковые явления, фиксируемые в современных диалектах и говорах тувинского языка.

Во второй главе «Фонетические особенности диалектов и говоров тувинского языка» выявлены интегральные и дифференциальные черты диалектов и говоров в области фонетики.

По составу кратких гласных диалекты и говоры не отличаются от ЛТЯ. Особенности диалектов в области гласных признаны аллофоны [æ], [ö], [ü] вместо лит. [a], [o], [y], которые фиксируются в заимствованиях из монгольского и казахского языков. Дифтонг [äi] появляется в результате сложных фонетических процессов. Он отмечен в зарубежных диалектах и тоджинском диалекте, что сближает его с тофаларским языком.

Долгие гласные в диалектах и говорах, как и в ЛТЯ, образовались в результате слияния смежных кратких гласных после выпадения интервокального согласного. В АД, дзун-хемчикском говоре и западном диалекте произносится долгий гласный вместо краткого в составе аффикса причастия на =ap, после основ, оканчивающихся на согласный. Произношение долгого [a:] в анлауте в слове *айтыр* 'говорить' является дифференциальной чертой для всего западного диалекта и АД.

Отсутствие фарингализованных гласных является главной отличительной чертой тере-хольского диалекта от ЛТЯ и других диалектов и говоров. Спорадическое проявление фарингализации,

характерное для алтайского и цагаан-нурского диалектов, также признано одной из дифференциальных черт. Это обусловлено разными причинами: языковыми контактами, конвергентным и дивергентным происхождением цагаан-нурского диалекта, этнической и языковой ассимиляцией части носителей АД.

Анализ соответствий гласных позволяют сказать, что они распространены повсеместно, отличаются разнонаправленностью даже в пределах одного диалекта. Только в алтайском диалекте (АД) наблюдается тенденция сужения широких гласных в разных позициях, что его отличает от ЛТЯ, поэтому данный признак также входит в дифференциальные признаки диалектов.

Фонетическое освоение русизмов во внутренних диалектах и говорах происходит так же, как и в ЛТЯ, где удлинняется ударный гласный заимствований из русского языка. В АД и цагаан-нурском диалектах русизмы проникли через монгольский или при маргинальных непосредственных контактах, поэтому закономерности их фонетического освоения отличаются от ЛТЯ.

Состав согласных фонем диалектов и говоров полностью идентичен аналогичной системе ЛТЯ. Согласные в потоке речи имеют общетюркские соответствия $b \sim m$, $k \sim x$, $č \sim й$ и др., причем эти соответствия разнонаправлены внутри говоров и диалектов, по этой причине их трудно считать интегральными и дифференциальными чертами какой-либо конкретной территории. Древнетюркский сонорный $й$ в анлауте слов в тоджинском и цагаан-нурском диалектах рассматривается как отличительная черта данных территорий. Глухой согласный c , устойчиво сохраняющийся в анлауте аффиксов, в интервокальном положении, между сонорным и гласным является отличительной чертой АД. Сильные придыхательные согласные в интервокальном положении в тере-хольском диалекте являются специфической чертой данного идиома, к нему близка речь монголоязычных тувинцев Эрзина.

Отсутствие $ч$ в ауслауте во внутренних диалектах и говорах, полностью освоенное произношение $ч$ в ауслауте и $ц$ в заимствованиях, что объясняется освоением артикуляционно-акустической базы (ААБ) монгольского языка, также являются интегральными и дифференциальными признаками диалектов и говоров тувинского языка.

В третьей главе «Особенности диалектов и говоров в области морфологии» выявлены интегральные и дифференциальные черты диалектов и говоров в области словообразования, частей речи по формальным показателям и особенностям функционирования.

Словообразование в диалектах тувинского языка не отличается от системы словообразования ЛТЯ: используются все способы словообразования – аффиксальный, синтаксический, лексико-семантический и другие. На всей территории распространения тувинского языка носители диалектной речи, пользуясь общетюркскими моделями, строят слова, специфичные для этой территории, а число диалектных слов, образованных различными моделями, составляет единицы, что не позволяет их считать особыми чертами отдельных диалектов и говоров. Поэтому они не подвергались специальному анализу.

Отличительные черты от ЛТЯ проявляет китайский говор: в нём выделены продуктивные словообразовательные аффиксы =*ча*, =*хане*, =*стан*, заимствованные из казахского языка; продуктивные аффиксы именного отрицания =*сыз*, именного словообразования =*тык*, не характерные для ЛТЯ и внутренних диалектов. АД в целом свойственны аналитические глаголы с нестяженным вспомогательным глаголом *хайныр* ‘кипеть’ как полифункциональные формы, демонстрирующие разные степени перехода аналитических форм глаголов в синтетические показатели.

Грамматические категории имени существительного в диалектах и говорах в основном не имеют значительных противопоставленных отличий от ЛТЯ. В качестве интегральных и дифференциальных черт диалектов и говоров в выражении множественного числа существительных можно считать:

1) двойное оформление множественности, характерное для зарубежных диалектов, дифференцирующее их от ЛТЯ и внутренних диалектов. Это явление приближает диалекты к одному из сибирских тюркских языков – якутскому, а аффикс множественности *-t* к текстам рунических памятников;

2) модель последовательного присоединения к основе слова, выражающего родственные отношения, формы принадлежности, а затем аффикса множественного числа (это явление характерно для цэнгэльского говора);

3) присоединение к имени собственному во множественном числе сложного слова *аал-аймаа* 'семейство, клан' по модели II изафета (свойственно кара-хольскому говору);

4) использование лексико-семантического диалектного слова *кылын* вместо литературного *хэй* (характерно для АД).

Интегральными и дифференциальными чертами диалектов и говоров при оформлении принадлежности можно считать присоединение аффикса принадлежности уже к стяженной форме слов *оол* 'мальчик', *аас* 'рот', где не восстанавливается выпавший сверхслабый *г*, а также спорадическое применение одной из древнетюркских форм =*ыңыз*, обусловленное влиянием казахского языка. Это является *инновационным* явлением в языке тувинцев Китая.

Тувинский язык, по классификации Г. Ф. Благовой, относится к уйгурско-кыпчакскому типу склонения, который характеризуется использованием падежных алломорфов с согласным в анлауте как в именной, так и в посессивно-именной парадигме.

По количеству падежей и их составу в абсолютном большинстве диалектов и говоров тувинского языка система падежей идентична с ЛГЯ. Исключение составляет только алтайский диалект, где выделяется восемь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, орудный и направительный; то есть он отличается наличием орудного падежа. По форме оформления падежей также выделяются тоджинский, тере-хольский и цагаан-нурский диалекты (табл. 1).

Формы дательного, исходного, орудного падежей в диалектах имеют алломорфы, обусловленные их позиционными характеристиками. Отличительными особенностями диалектов являются несколько форм выражения направительного падежа, которые также демонстрируют разные этапы перехода аналитических форм в синтетические.

Таблица 1

Особые падежные формы в сравнительном плане

Диалект	Формы направительного падежа				Оруд. падеж =нан =нен	Двойн. падеж =Р.П. + местн. исх.	Исходный падеж	
	=че =же	=дыва =дыве	=куду =гуду	N + куду			=дан//=ден =тан//=тен	=дан//=ден, =тан//=тен =нан//=нен
ЛТЯ	+						+	
Китай				+	+			
Цэнгэл		+		+	+			
Кобдо				+	+			
Монгун-Тайга	+	+					+	
Бай-Тайга	+	+					+	+
Кара-Хол	+	+					+	+
Барун-Х.	+	+					+	
Овюр	+						+	
Дзун-Хем.	+						+	
Усинск	+						+	
Чаа-Холь	+						+	
Улуг-Хем	+	+					+	
Бии-Хем	+						+	
Каа-Хем	+						+	
Танды	+						+	
Тес-Хем	+						+	
Эрзин	+					+	+	
Тере-Холь	+							=
Тоджа р.	+	+	+					+
Тоджа т.	+	+	+					+
Цагаан-Нур	+	+	+					+
Сэлэнга				+	+			+

* Ранее, в 1960–1970-х гг., не отмечалось в речи коренных жителей.

В последнее время наблюдается вариативное функционирование форм направительного падежа в тоджинском, тере-хольском диалектах, кара-хольском говоре, что обусловлено влиянием

литературного языка, перенесением особенностей материнских диалектов во вновь образованный идиом.

Состав прилагательных диалектов тувинского языка характеризуется сравнительной однородностью, лишь небольшие группы слов относятся к диалектным словам, имеющим семантические сдвиги; есть и отличия в образовании степеней сравнения: аффиксы =ыйг; =сым/=сим; =шыл/=шил; =шыырхы/=шиирхи; -шуул, выражающие ослабление качества.

Числительные в диалектах и говорах в основном соответствуют числительным ЛТЯ, но отличительные особенности проявляются в следующем:

1) параллельном функционировании сложных числительных в цагаан-нурском диалекте;

2) образовании в АД порядковых числительных при помощи общетюркского аффикса =нчы: алдынчы 'шестой', что сближает его с алтайским языком;

3) образовании приблизительных числительных в АД с помощью общетюркского аффикса =ча: онча 'около десяти', что характерно для многих тюркских языков;

4) наличии аффикса =киең с ограничительным значением 'ишькиең' 'лишь только два', который отмечается также в тоджинском диалекте;

5) наличии разделительных числительных на =ар/=ер в цагаан-нурском и тоджинском диалектах чаңгыз=ар, бир=ер 'по одному' как проявление древних форм.

Состав местоимений в ЛТЯ и диалектах в основном совпадает, но наблюдаются небольшие диалектные различия в образовании некоторых местоимений.

Использование личного местоимения 1-го л. мн. ч. силер 'вы' вместо лит. сен 'ты' 1-го лица ед. ч. в эрзинско-тес-хемском говоре; местоимений силер 'вы', олар 'они' с двойным аффиксом мн.ч. в цэнгэльском говоре ол=а=лар; варьирование начального гласного в указательных местоимениях ындыг ~ андыг 'такой'; формы андыг 'такой' в западном диалекте; два фонетических варианта указательного местоимения: дээ, дии 'тот', 'вон тот' в АД являются дифференциальными признаками по отношению к ЛТЯ и другим говорам и диалектам.

Маркерами принадлежности тому или иному говору является определенное количество наречий. Например, *эге-ле* ‘совсем’ – яркий показатель принадлежности тандынскому говору, причем роду *оюн*; *хөлчок* ‘очень, сильно’ – в западном говоре; *аянчак* – улуг-хемскому говору.

Значительные отличия имеет АД: *чалаң* вместо лит. *үргүлчү* ‘постоянно, всё время, всегда’; *хара хөлээр* вместо лит. *анаа, анаала* ‘без причины; просто так; ни с того ни с сего, без цели’; *этчок* (<*эт-чок*) вместо лит. *аажок, хөлчок, дыка* ‘очень, сильно’; *чыт кызыл* вместо лит. *кып-кызыл, чидиг-кызыл* ‘кроваво-красное’; *шевер орустаар* вместо лит. *арыг орустаар* ‘говорить чисто на русском’.

В языке китайских и цэнгэльских тувинцев фиксируются наречия, заимствованные из казахского языка: *незир* вместо лит. *ам* ‘теперь, сейчас, в настоящее время’; *аптен* вместо лит. *кедергей, аажок* ‘очень, совсем’; *аренге* вместо лит. *арай боорда* ‘эле-эле’.

Формы лица прошедшего времени на =ды. В ЛТЯ прошедшее категорическое время образуется присоединением к глагольной основе аффикса =ды и его вариантов. При спряжении по лицам форма 1-го л. мн. ч. =к в АД отличается от формы ЛТЯ =выс, показателем 2-го л. мн. ч. в АД является =гар вместо лит. =ңар. Эти отличия отражены в табл. 2, 3.

Таблица 2

**Парадигма спряжения
положительной формы глагола на =ды**

Вариант	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
ЛТЯ	<i>бар=ды=м</i>	<i>бар=ды=выс</i>	<i>бар=ды=ң</i>	<i>бар=ды=ңар</i>	<i>бар=ды</i>	<i>бар=ды(лар)</i>
АД	<i>бар=ды=м</i>	<i>бар=ды=выс // бар=ды=к</i>	<i>бар=ды=ң</i>	<i>бар=ды=гар</i>	<i>бар=ды</i>	<i>бар=ды=лар</i>

Аффикс 1-го л. мн. ч. =к прибавляется также к отрицательной форме =ды: *ал=ваа=ды=к* ‘мы не брали’, *тут=наа=ды=к* ‘мы не держали’, *чи=вээ=ди=к* ‘мы не ели’, *кел=вээ=ди=к* ‘мы не приходили’.

Общетюркская форма =к, фиксируемая в АД, характерна для огузских языков. В диалекте сохранилась древнеуйгурская форма,

являющаяся отличительным признаком АД от ЛТЯ и других диалектов.

Таблица 3

**Парадигма спряжения
отрицательной формы глагола на =ды**

Вариант	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
ЛТЯ	<i>бар=ба=ды=м</i>	<i>бар=ба=ды=выс</i>	<i>бар=ба=ды=ң</i>	<i>бар=ба=ды=ңар</i>	<i>бар=ба=ды</i>	<i>бар=ба=ды=лар</i>
АД	<i>бар=ваа=ды=м</i>	<i>бар=ваа=ды=выс // бар=ваа=ды=к</i>	<i>бар=ваа=ды=ң</i>	<i>бар=ваа=ды=ңар</i>	<i>бар=ваа=ды</i>	<i>бар=ваа=ды</i>

Форма на =мыш зафиксирована только в речи жителей Цэнгэла. Она придает глаголам значение «поступать аналогично, подражать» с уничижительным оттенком: *Ооң экчизи ырла=мыш=та=ар ийик бе?* ‘Его сестра ведь якобы поет?’ В ЛТЯ древнейгузская форма глагола =мыш отмечается в составе сложного аффикса деепричастия =бышаан.

Настоящее время в ЛТЯ формируется при помощи вспомогательных глаголов *тур, чыдыр, чор, олур*. Е. И. Убрытова по системе глагола современные тюркские языки южной Сибири относит к кыпчакским языкам. Общим для этой группы она считает употребление служебных глаголов *тур-* ‘стоять’, *отур-* ‘сидеть’, *чат-* ‘лежать’, *чор-* ‘ходить’ для оформления длительных времен.

Среди них в ЛТЯ более употребительным, десемантизированным является глагол *тур=* ‘стоять’, ‘быть’. А в АД заметно чаще, чем в ЛТЯ, используется вспомогательный глагол *чыт=* вместо лит. *тур=*. Например: *Бир оглум багышы болуп чыдыр, онуун бичииси чолаачылап чыдыр* ‘Один мой сын учитель, младше его (сын) работает водителем’.

Форма условного наклонения в ЛТЯ образуется от основы глагола с помощью сложных аффиксов в 1-м и 2-м лицах (=сы=м=за, =сы=ң=за) и простого аффикса общетюркского типа =са в 3-м лице.

В АД сохраняется древняя форма на =са, в то же время наблюдается вариативность форм как наклонения, так и личного оформления глаголов. Они все представлены в табл. 4, 5.

Таблица 4

Единственное число

Вариант	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
АД, тодж., цаг., тере-х. диал.	$ал=са=м$	$ал=са=ң$	$ал=са$
Кобд. говор	$ал=ды=м=са$	$ал=ды=ң=са$	$ал=са$
Кара-х. говор	$ал=зы=м\ изе //$ $ал=ды=м\ изе$	$ал=зы=ң=зе //$ $ал=зы=ң\ изе$	$ал=зе$
ЛТЯ, центр., тодж.	$ал=зы=м=за$	$ал=зы=ң=за$	$ал=за$
цаг., тере-х.*	$ал=сы=м=са$	$ал=сы=ң=са$	$ал=са$

Таблица 5

Множественное число

Вариант	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
АД	$ал=са=выс //$ $ал=са$ $=к$	$ал=са=гар$	$ал=са$
Кобд. говор	$ал=ды=выс=са$	$ал=ды=гар=са$	$ал=са$
Тодж., цаг., тере-х.	$ал=са=выс$	$ал=са=ңар$	$ал=са(лар)$
Кара-х. говор зап. диал.	$ал=ды=выс\ изе //$ $ал=ды=выс=се$	$ал=ды=ңар\ изе //$ $ал=ды=ңар=зе$	$ал=са(лар)$
ЛТЯ, центр., тодж., цаг., тере-х.	$ал=зы=выс=са$	$ал=зы=ңар=за$	$ал=за$
	$ал=сы=выс=са$	$ал=сы=ңар=са$	$ал=са$

Итак, диалекты и говоры тувинского языка проявляют большую вариативность форм условного наклонения (табл. 6). В настоящее время в тоджинском, тере-хольском диалектах наблюдается постепенное вытеснение синтетической древней общетюркской формы условного наклонения $бар=са=м$, а также аналитической формы в кара-хольском говоре литературной формой с двойным аффиксом. В цагаан-нурском диалекте функционируют также две формы, обусловленные разным составом носителей диалекта.

Самое большое разнообразие древних аналитических форм и форм выражения лица проявляет АД.

Таблица 6

Формы условного наклонения в ЛТЯ и диалектах и говорах

Диалект	Формы					
	=са=м	=ды=м изе	=зы=м быза	=ды=м=за	=зы=м=за	и=зе
	1.	2.	3.	4.	5.	6.
Лит.	–	–	–	–	+	–
Китай	+	+				+
Цэнгэл	+			+		+
Кобдо	+			+		
Монгун-Тайга					+	
Бай-Тайга					+	
Кара-Хол		+	+		+	
Барун-Х.					+	
Овюр					+	
Дзун-Хем.					+	
Чаа-Хол					+	
Улуг-Хем					+	
Бии-Хем					+	
Каа-Хем					+	
Танды					+	
Тес-Хем					+	
Тере-Хол	+				+	
Тоджа реч.	+				+	
Тоджа таежн.	+				+	
Цагаан-Нур	+				+	

1) =са=м – древняя форма условного наклонения: бар=са=м;

2) =ды=м изе – аналитическая форма условного наклонения от древнего вспом. глагола эр=, сохранившегося в тувинском в частицах ирги, иргин: бар=ды=м и=зе;

3) =зы=м быза – диалектная аналитическая форма: бар=ды=м бы=за, бар=ды=м би=зе;

4) =ды=м=за – диалектная стяженная форма: бар=ды=м=за;

- 5) =зы=м=за – литературная стяженная форма: *бар=зы=м=за*;
 6) *и=зе* – условная форма от корня *и=* ‘быть’, замененного в ЛТЯ выделительной частицей *болза* от вспомогательного глагола *бол=*.

Форма повелительного наклонения. Специальной формы повелительного наклонения в тувинском языке, как и в других тюркских языках, нет. Спряжение по лицам несколько отлично от ЛТЯ и других диалектов в алтайском и тере-хольском диалектах (табл. 7).

Таблица 7

Единственное число

Лицо	ЛТЯ	АД, тере-хольский
1-е	<i>бар=айи, чору=уйи</i>	<i>бар=ай=ым, чору=уй=ум</i>
2-е	<i>бар, чору</i>	<i>бар, чору</i>
3-е	<i>бар=зыи, чор=зун</i>	<i>бар=сын, чор=сун</i>

В ЛТЯ используется фонетически полный вариант древнетюркского аффикса =*айи*, сохранившийся по всем сибирским тюркским языкам, а в АД и тере-хольском –=*айым*, сохранившийся в огузских языках. Отсюда можно заключить, что тувинский язык принял оба полных древних форманта –*ай=ум*, –*ай=ун*.

Формы 1-го и 2-го лиц во множественном числе отличает также алтайский диалект от ЛТЯ и других диалектов. Наряду с аффиксом =*аалы*, который в ЛТЯ и других диалектах считается формой двойственного числа, функционирует форма =*аакай*. Последний аффикс является по сути стяженной формой двух компонентов: формы 1-го л., мн. ч. =*аалы* и частицы *кай* со значением приглашения к действию. Парадигма спряжения повелительного наклонения во множественном числе представлена в табл. 8.

Множественное число

Лицо	ЛТЯ	АД
1-е	<i>бар=аалыңар, чор=уулуңар</i>	<i>бар=аалы // бар=аакай, чор=уукай</i>
2-е	<i>бар=ыңар, чор=уңар</i>	<i>бар=гар, чору=гар</i>
3-е	<i>бар=зын(нар), чор=зун(нар)</i>	<i>бар=сын, чор=сун</i>

В АД существуют две формы 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения с аффиксами: 1) =аалы – присоединяется к основе глагола, оканчивающегося на сонорные согласные; 2) =аакай (по сути, стяженные =аалы + кай). Отличается тере-хольский диалект реликтовой формой 1-го л. ед. ч. =айым, что сближает его с АД.

Вспомогательные глаголы. Несколько отличается от ЛТЯ функционирование вспомогательных глаголов в тоджинском, цагаан-нурском и алтайском диалектах: а) вспомогательных глаголов *каг-*, *бар-* вместо *бер-* в сочетании со слитным деепричастием на =а также является отличительной чертой АД: *үне барды* вместо лит. *үне берди* ‘вышел’; *өртений барган* вместо лит. *өртени берген* ‘загорелся’.

Б) древнетюркского глагола-связки *бол-* / *ол-* ‘быть’. Он является отличительной особенностью тоджинского диалекта, где используется вместо *тур* в ЛТЯ: *Мен ынчан 5 харлыг болган мен* вместо лит. *Мен ынчан 5 харлыг турган мен* ‘Мне тогда было 5 лет’. Этот же глагол-связка *бол-* спорадически проявляется в цагаан-нурском диалекте.

Служебные части речи. Небольшие отличия от ЛТЯ имеет только АД. Это служебное слово *арт=ы=нан* в значении ‘после’, послелогои *-билен* ‘вместе’, *куду* ‘к, по направлению’, *кептиг* ‘подобно, вроде, словно, как’, *бола* ‘за, ради, для, по причине’; *өңге* ‘другой’. Последний восходит к древнетюркскому. Послелог *бойунча* ‘вдоль, в течение’ в речи тувинцев Китая является заимствованием из казахского языка. В тоджинском, западном диалектах варьируется фонетически послелог *-биле/-была* ‘с, посредством’.

Частицы. В диалектах и говорах частицы отличаются лишь фонетически. Частица *иргин* от древнетюркского глагола *эр-* ‘быть’ ЛТЯ придает высказыванию значение смягчения. В цэнгэльском

говоре она встречается в усеченном виде *-гин* и имеет тенденцию к стяжению с предыдущим полнозначным словом: *келир=гин* ‘придет ведь’.

Отмечен фонетический вариант отрицательной частицы *эмеc* ‘не’ вместо лит. *эвес*, встречается частица *эмейин* вместо лит. *эвеспе* ‘учтите, имейте в виду’. Частица *-лаан* соответствует сочетанию в ЛТЯ *=ла ийин* в значении подтверждения и усиления. Фонетический вариант частицы *оң* ‘ведь, оказывается’ в АД *ёң* соответствует лит. *ыйнаан*, в тоджинском диалекте *ыйнан//ийнен* со значением ‘видимо, вероятно’. Частицы *хаала*, *хайды* ‘ну, ну-ка’ в тоджинском диалекте также являются ярким показателем диалектной речи.

Тувинский язык относится к языкам с неразвитой системой союзов, поэтому в диалектах и говорах список союзов в целом соответствует подобному списку ЛТЯ. Есть небольшие различия в их звуковом оформлении в АД: *болса* лит. *болза* ‘если’; *харин* лит. *харын* ‘но; а; наоборот’, ср. монг. *харин*; *билен* лит. *биле* ‘и’.

Разделительные союзы *не* ‘или’, *немезе* ‘или’ функционируют во всем пространстве распространения АД. В цэнгэльской и китайском говорах противительный союз *бырак* в значении ‘1. но, однако; 2. совсем’, подчинительный союз *эгер* ‘если’ отличают их от кобдоского говора и от других диалектов и говоров, а также ЛТЯ. Они являются заимствованиями из казахского языка и по времени наиболее поздними.

Таким образом, диалекты и говоры тувинского языка за исключением АД демонстрируют единую грамматическую систему. Противопоставленными литературным являются формы лица глагола, условного наклонения, направительного падежа, серии форм числительных, некоторые вспомогательные глаголы в основном в изолированных диалектах и говорах.

Многие диалектные формы унаследованы от древнетюркского, древнеуйгурского и древнекыргызского языков, а также обусловлены маргинальными языковыми контактами. Монгольские элементы проявляются только в тех диалектах и говорах, носители которых имели или имеют непосредственные маргинальные контакты, а также находящиеся в монголоязычном окружении.

В четвертой главе «Лексические особенности диалектов и говоров» выявлены релевантные признаки диалектов и говоров в

области лексики. В основе лексики тувинских диалектов и говоров лежит общетюркский фонд. Значительно отличаются лексическими единицами зарубежные диалекты. В АД они обусловлены иноязычным окружением и длительным изолированным развитием, в цагаан-нурском – сохранением традиционного образа жизни: оленеводства, охоты, рыболовства и собирательства. В центральном диалекте имеются сравнительно небольшие лексические своеобразия по говорам, которые связаны, прежде всего, с экономическими и социальными особенностями образа жизни носителей.

В тоджинском и тере-хольском диалектах развитая система лексических единиц оленеводческой терминологии выходит из активного употребления, активна и многообразна охотничье-рыболовная, растительная тематика. Для монгун-тайгинского, овюрского говоров, АД характерны половозрастные названия сурков, и лексика, связанная с охотой на них; а яководства – в кара-хольском, овюрском, монгун-тайгинском и цэнгэльском говорах. Такое распределение указанных тематических групп лексики по диалектам и говорам обусловлены исторически, акцентированы природно-климатическими, территориальными факторами, определяющими хозяйственный тип.

В пятой главе «Диалектное членение тувинского языка» представлена наша новая классификация, основанная на лингвистических критериях с учетом экстралингвистических факторов. На первом этапе диалекты мы делим на *внутренние* и на *зарубежные*. Внутренними считаем те территории распространения тувинского языка, которые находятся в пределах России, Республики Тыва, сюда входит территория села Усинска Красноярского края, а за пределами России – зарубежные диалекты.

Деление языков коренных народов Саяно-Алтая на *степные* и *таёжные* у В. И. Рассадина, по сути, основывается также на территориальном принципе. Таежные племена в своей традиционной хозяйственной деятельности охотники и оленеводы, занимающиеся также собирательством и рыболовством. А степные – животноводы, которые содержат овец и коз; некоторую среднюю позицию между степными и таёжными занимают родоплеменные группы, содержащие преимущественно коров, яков, лошадей. Мы предлагаем их язык назвать *таежно-степным*, им является

уйгуро-уряньхайский язык, к нему близки цагаан-нурский и тере-хольский диалекты.

Изолированными считаем тоджинский и тере-хольский диалекты, кара-хольский говор, наряду с зарубежными диалектами: зарубежные диалекты находятся на территории других государств, а внутренние изолированные диалекты и говор распространены на труднодоступных территориях Тувы. По наличию письма зарубежные диалекты практически являются бесписьменными, кроме цэнгэльского говора, где только началось обучение на тувинском языке, а внутренние – письменные.

Внутренние диалекты делятся на: центральный, западный, тере-хольский, тоджинский. *Зарубежные* делятся на: алтайский и цагаан-нурский диалекты.

Центральный диалект – опорный диалект ЛТЯ, распространен на обширной территории Тувы. Он делится на пять говоров.

Основные классификационные признаки, объединяющих все пять говоров центрального диалекта, практически все стали нормами ЛТЯ, поэтому состав гласных и согласных, многие фонетические явления аналогичны ЛТЯ. Это наличие фарингализованных гласных, отсутствие дифтонга [äi], аллофонов [æ], [ö], [ü], необусловленных долгот в анлауте. Долгие гласные, как и в ЛТЯ, образовались в результате слияния смежных кратких гласных после выпадения интервокального согласного. Отсутствует ч в ауслауте, не полностью освоено произношение ц. В области грамматики в центральном диалекте также наблюдается единство с ЛТЯ, как в составе грамматических форм, так и в их значениях.

В то же время внутри диалекта выделяются говоры с небольшими отличиями от ЛТЯ, так и между собой.

Улуг-хемский говор распространен на обширной территории центральной Тувы в бассейне рек Улуг-Хем (Енисей) до его выхода за пределы Тувы, Уюк, левого притока Каа-Хем.

В области фонетики регистрируются: соответствия широких гласных узким и наоборот: *шуудай* вместо *шоодай* ‘мешок’; соответствия *к ~ х* и наоборот в анлауте: *хадалыр* вместо *кадалыр* ‘вонзаться, вязнуть’, *хат* вместо *кат* ‘ягода’, *кемчээр* вместо *хемчээр* ‘измерять’; соответствия *б ~ м* и наоборот в анлауте: *боюн* вместо *моюн* ‘шея’; *меьрге* вместо *беьрге* ‘трудный’; соответствия *в*

~ м и наоборот в инлауте: *даман* вместо *даван* 'нога', *өреве* вместо *өреме* 'молочная пенка', *нава* вместо *лама* 'буддийский монах'.

Собственно-диалектное слово *иншим* 'обращение к младшему по возрасту', сохранившееся от древнетюркского времени, возможно, даже от древнекыргызского, отличает говор от всех диалектов и говоров, а также от ЛТЯ. А диалектные слова: *уур* вместо лит. *согааш* 'ступка', *булгээр* вместо лит. *шууруун* 'аппарат для перегонки молочной водки' и т.д. отличает говор от других говоров центрального диалекта

В отдельных словах фиксируются полностью ассимилированные алломорфы дательного падежа с начальным =ма//=ме после основы, оканчивающейся на м: *хемме* 'к реке', *хир-чамма* 'грязи', *эжимме* 'моему другу'. В этом он проявляет сходство с дзун-хемчикским говором, тоджинским и тере-хольским диалектами.

Дзун-хемчикский говор распространен на территории Дзун-Хемчикского и Сут-Хольского кожуунов. Он отличается от ЛТЯ наличием долгого гласного вместо краткого в составе аффикса причастия на =ар после основ, оканчивающихся на согласный: *чыг=л=ыыр* вместо лит. *чыг=л=ыр* 'собираться'. Этим данный говор близок к кара-хольским, а также кобдоским говорами.

Обращения *сары=ым*, *до=м*, к лицам, младшим по возрасту; целый ряд лексико-семантических диалектных слов: *ымыраа* вместо лит. *сээк* 'комар'; *кулча* вместо лит. *согуна* 'лук' и др.; устойчивое сохранение ориентации на восток при использовании слова *бадар* в значении 'двигаться, идти', вместо лит. 'спускаться вниз, идти по течению' и др. отличает говор от ЛТЯ и других диалектов

Полностью ассимилированные алломорфы с начальным =ма//=ме после основы, оканчивающейся на м: *хемме* 'к реке', *хир-чамма* 'грязи' сближает его с улуг-хемским говором.

Овюрский говор распространен на территории Овюрского кожууна. В области фонетики, грамматики он не отличается от других говоров центрального диалекта.

Отличается этот говор наличием лексики охоты на сурка *тарбаган*, *мөнделе* вместо лит. *тарбаган оглу* 'сурок до года', *бартам* вместо лит. *ийи харлыг тарбаган* 'сурок-двухлетка', *депсел* вместо лит. *үш харлыг тарбаган* 'сурок-трехлетка', *көгүүле* вместо лит. *оолдарлыг тарбаган* 'сурчиха с детенышами', *сувай-тачык*

вместо лит. *төрүвээн кыс тарбаган* ‘сурчиха, ещё не приносившая потомство’, *муруу* [уъ] вместо лит. *аскыр тарбаган* ‘взрослый самец-сурок’.

Эта тематическая группа лексики объединяет его с монгун-тайгинским говором, а также с АД. Лексика яководства сближает говор также с монгун-тайгинским и цэнгэльским говорами, что обусловлено природно-климатическими особенностями территории.

В то же время фонетические и морфологические особенности говора объединяют его с улуг-хемским говором, что объясняется этническим составом населения кожууна, а также традиционными хозяйственно-экономическими, социальными связями, которые тесно связывали до недавнего времени эти две территории.

Тандинский говор отличает от других говоров произношение сильных переднеязычных и губных смычных согласных вместо слабых в начале отдельных слов: *таңгырак* // *даңгырак* ‘клятва’, *пага* // *бага* ‘лягушка’, *пок* // *бок* ‘сор’. Данная черта характерна для речи родоплеменной группы оюн, которая проживает в Тандинском и в Тес-Хемском кожууне.

Говору свойственно неподвижное ударение в первом слоге односложных глагольных основ, при прибавлении к нему аффикса отрицания *кёл=бе* вместо лит. *кел=бэ* ‘не приходи’, деепричастия на =*гаш*: *кёл-геш* вместо лит. *кел=гэш* ‘придя’, на =*байн*: *кёл-бейн* вместо лит. *кел=бэйн* ‘не приходи’. Эти черты проявляются в речи жителей Каа-Хемского кожууна, в эрзинско-тес-хемском говоре.

Тандинскому говору присущи диалектные слова *эге-ле* ‘ничуть’, *кара-сээк* вместо лит. *сээк* ‘ничуть’, *уураа* вместо лит. *ымыраа* ‘комар’ и др.

Эрзинско-тес-хемский говор распространен на территории Тес-Хемского и части Эрзинского кожуунов без территорий сумонов Качык и Нарын. Он противопоставлен другим говорам центрального диалекта монгольским влиянием; который проявляется: в наличии аллофонов [æ] как варианта фонемы [a] в анлауте монголизмов; наличием аллофонов [ö], [ü]; рядом аффиксов ослабления качества, наличием двойных падежей, двойным оформлением множественного числа существительных. Наличием лексических заимствований из монгольского языка, отличных от

ЛТЯ. Все эти черты в эрзинско-тес-хемском говоре сближают его с АД, в то же время отличают от ЛТЯ.

Наличие сильного или слабого произношение переднеязычных и губных смычных согласных в начале отдельных слов *тын // дын* ‘жизнь’, *пок // бок* ‘сор’, *пөс // бөс* ‘ткань’, ‘материя’ присуща жителям Тес-Хемского кожууна, объединяет данный говор с тандынским, но отличает от ЛТЯ и других диалектов.

Отдельные прилагательные (*чившин, салам, сайыыргак*) можно считать маркерами диалектной речи жителей Тес-Хема и Эрзина.

Местоимения *силер* ‘вы’ используется вместо *сен* ‘ты’ на территории Эрзинского и Тес-Хемского кожуунов детьми, при обращении к своим родителям: *Авай, силер кажсан бээр кээр силер?* ‘Мама, Вы когда приедете сюда?’

Форма двойственного числа используется вместо формы множественного числа: *бар=аалы* вместо *бар=аалы=ңар* ‘давайте пойдём все вместе’.

В то же время наличие фарингализации, как основного объединяющего признака с центральным диалектом, целый ряд фонетических соответствий, отсутствие древней формы условного наклонения *бар=са=м* позволяет данную территорию считать ареалом распространения отдельного говора центрального диалекта.

Западный диалект распространен на территории Бай-Тайгинского, Монгун-Тайгинского и Барун-Хемчикского кожуунов.

Выделяются говоры: бай-тайгинско-барун-хемчикский, монгун-тайгинский, кара-хольский. Диалект имеет следующие основные интегральные черты, в объединяющие говоры в один диалект, и одновременно являющиеся дифференциальными по отношению к ЛТЯ: 1) в области фонетики: а) акание в местоимениях *андыг* ‘такой’, *анча* ‘столько’, *анчаар* ‘так, делать так’ вместо лит. *ындыг, ынча, ынчаар*; б) необусловленные долгие гласные вместо кратких в анлауте, инлауте: *айтыр* вместо лит. *айтыр* ‘показать’, *аарай* вместо лит. *арай* ‘как-то’, *аары* вместо лит. *ары* ‘пчела’; 2) области морфологии аналитическая форма условного наклонения: *болдум бизе / болдум изе / болзум изе* вместо лит. *болзумза*; 3) в области лексики слова *айдаар* вместо лит. *ай дээр* ‘гнать скот’, *шакпа* вместо лит. *каькпа* ‘капкан’ и др. Диалектное слово *айдаар* имеет параллели в алтайском диалекте, алтайском языке и в языке жёлтых

уйгур. Аканье, аналитические формы условного наклонения, унаследованные от древнетюркского языка, сближают данный диалект с алтайским языком.

Бай-тайгинско-барун-хемчикский говор, обладая всеми отличительными признаками западного диалекта, в то же время в области лексики отличается от других говоров и от ЛТЯ заимствованиями из алтайского языка: *шышкан* вместо лит. *куске* ‘мышка’, *кармак* вместо лит. *сыырткыыш* ‘удочка’, *шалга* вместо лит. *кадыыр* ‘удочка’; собственно диалектной лексикой: *коьлданыр* вместо лит. *диленир* ‘выпрашивать, просить’, *кызыл-куьрт* вместо лит. *шыйлашкын* ‘червяк’, *шокар* вместо лит. *мыйыт* ‘ленок’, *шавага* вместо лит. *бичии балык* ‘малёк’, *ымыраа* вместо лит. *сээк* ‘муха’ и др. Лексика яководства сближает данный говор с овюрским, монгун-тайгинским, цэнгэльским говорами.

В области грамматики аффикс направительного падежа =*дыва* со всеми его 8 вариантами функционирует наряду с формой =*че*//=*же*, что обусловлено влиянием литературного языка.

Монгун-тайгинский говор, обладая всеми диалектными признаками, характерными для западного диалекта, в то же время отличается от других его говоров наличием: а) разветвленных половозрастных названий сурка и лексики охотничьего промысла на него; эта группа лексики сближает данный говор с овюрским говором и алтайским диалектом; б) лексики яководства *сарлык*, *семдер-инек* ‘як’, *моол инек*, *тас-инек* ‘корова’, *хайнык* // *хайнак* ‘помесь коровы с яком’; в) собственно-диалектными словами *дорда* ‘гуща после варки топленого масла’, *бүүрээ* ‘валуны округлой формы’, *таарыыр* вместо лит. *чогудар* ‘согласовать’, *өреме* 1. ‘сливки’, 2. ‘молочная пенка’ и т.д.

Кара-Хольский говор отличается фонетическими особенностями: выпадением начальных согласных в заимствованных словах: *акси* вместо лит. *такси*, *ама* вместо лит. *лама* ‘монах’, *ом* вместо лит. *ном* ‘книга’, *огаан* вместо лит. *ногаан* ‘зелёный’, *эгээр* вместо лит. *негээр* ‘требовать’; соответствием *ш* ~ *ч* в анлауте: *шода* вместо лит. *чода* ‘голень’, *шаьда* вместо лит. *чаьда* ‘ступенька’, *ч* ~ *й* в анлауте: *чөрээл* вместо лит. *йөрээл* ‘благопожелание’, *чозу* вместо лит. *йозу* ‘обряд’.

Долготы в вариантах с узкими гласными аффикса глагола на =*ар* после залоговых основ, оканчивающихся на согласный, *чыг*=л=*ыыр* ‘собираться’, сближают с дзун-хемчикским говором.

К собственному имени во множественном числе присоединяется сложное слово *аал-аймаа* ‘семейство, клан’ в форме принадлежности 3-го лица (модель II изафета): *Кара-оол=дар аал-айма=а* (<*аал=аймак+ы*) ‘Кара-оолы, или семья Кара-оолов (букв. Кара-оолы семейство=их)’. Синонимичным является сочетание собственного имени с аффиксом =*лыг* и слова *кезек* ‘часть’ в значении 1) семья во главе с тем, кто назван: *Кара-оол=дуг кезек* ‘Кара-оолы, или семья Кара-оолов’.

В настоящее время кара-хольском говоре наблюдается вариативность древних аналитических форм *бар=ды=м бизе*, *бар=ды=м изе* и литературной формы условного наклонения *бар=зы=м=за*, начался процесс постепенного вытеснения диалектной формы литературной формой.

Лексика яководства отличается от терминов яководства монгун-тайгинского говора наличием глаголов: *доьжаар* (отдельная от стада зимовка самцов в верховьях рек); *аңсыыр* вместо лит. *аңзыыр* ‘(о яке) не подпускать к себе человека, не возвращаться с пастбища, становиться как дикое животное’; *шыыр* вместо лит. *ис*, *демдек* ‘примета, не видная глазу человека’, производное – *шыыр=а* в значении ‘найти стадо по запаху’; *хүртүңнээр* ‘поведение во время случки’; *чиктиңнээр* ‘поведение перед случкой’.

Собственно диалектная лексика, характерная только для данного говора: *хымыска* вместо лит. *кымыскаяк* ‘муравей’, *хевенир*, *толаныр* вместо лит. *кеттинер* ‘одеваться’, *аьгыы* вместо лит. *баьк кижси* ‘плохой человек’, *чандаалыктаар* вместо лит. *чайгангыышка чайганыр* ‘качаться на качелях’.

Таким образом, западный диалект отличается от ЛТЯ, сохранением признаков древнетюркского языка. Некоторые из них сближают его с алтайским языком. Аналитические формы условного наклонения, сохранившиеся от древнетюркского языка, сближают кара-хольский говор с АД. Особенности западного диалекта в целом, а также его говоров по отдельным тематическим группам лексики обусловлены природно-климатическими условиями территории его распространения.

Тере-Хольский диалект распространен на территории труднодоступного Тере-Хольского кожууна, его носителям близка речь коренных жителей Качыка и Нарына Эрзинского кожууна.

Говор отличается отсутствием фарингализованных гласных от ЛТЯ и других диалектов. В нём 16 гласных вместо 24 в ЛТЯ. Состав согласных фонем диалектов и говором полностью идентичен аналогичной системе ЛТЯ. Сильные придыхательные согласные в интервокальном положении в тере-хольском диалекте являются отличительной чертой данного идиома, к нему близка речь тувинцев Цагаан-Нура.

Наблюдается неподвижное ударение в 1-м слого односложных глагольных основ при прибавлении к нему аффикса отрицания, деепричастия на =*гаш*, на =*байн*: *кэл=бе*, *кэл=бейн*, *кэл=геш*. Эти черты сближают диалект с тандынским, эрзинско-тес-хемским говорами. Произношение ударения в первом слого в отдельных словах: *ийе*.

Направительный падеж представлен формами 1) =*че*, =*ше*; 2) =*тыва*, =*тыве*, =*тува*, =*туве*; 3) =*гиди*, =*киди* (реже). Встречаются губно-губные варианты аффиксов =*ма*//=*па* дательного падежа: *авампа* лит. *авамга* ‘моей матери’, *кызымпа* лит. *кызымга* ‘моей дочери’. Эти варианты падежа сближают его с тоджинским диалектом.

Древняя форма условного наклонения *бар=са=м*, в последнее время параллельно стала функционировать литературная форма =*зы*=*м*=*за*, в то же время объединяет его с тоджинским диалектом.

Лексика рыбного промысла отличает диалект от ЛТЯ и других диалектов, кроме цагаан-нурского. Щука у тере-хольцев является основной промысловой рыбой, поэтому она имеет возрастные названия: *бүлдегене* – мальки рыб размером 3-4 см; *шелеш* – мальки и мелкая рыба до 7-8 см. Названия щук по величине: *мосрай* – молодая щука до 15-20 см, *кызыл-адак* – щука до 18-20 см с красными плавниками; *тыңнаа* – щука от 25-30 см, *торуш* – взрослая щука размером 35-45 см, *шортан* – щука размером 60 см, *ояр* – щука размером свыше 60-70 см, может достигать до 1,5 метров в длину.

Таким образом, тере-хольский диалект отличается в области фонетики от ЛТЯ системой гласных, закономерностями функционирования согласных. На лексическом уровне отличается

лексикой природного окружения, рыболовства, оленеводства, названиями водоплавающих птиц, что отражает природно-климатические особенности территории распространения диалекта. Диалект является изолированным, свои особенности передал цагаан-нурскому диалекту, отпочковавшемуся в 1940–1950-е годы.

Тоджинский диалект (по другим работам – северо-восточный диалект) распространен среди коренных жителей Тоджи, проживающих в основном в сумонах Ий, Адыр-Кежиг, Чазадыр. В кожуунном центре Тоора-Хем носителей тоджинского диалекта крайне мало.

Основными диалектными чертами в области фонетики являются: а) наличие фарингализованных гласных, что характерно для всей территории распространения тувинского языка, кроме Тере-Хольского кожууна; б) наличие дифтонга [äi] *чеин* ‘летом’, *хеиндырар* ‘варить’, что сближает его с монголоязычными территориями, где живут носители тувинского языка. В то же время в нём отсутствуют аллофоны [æ], [ö], [ü], присущие тувинской речи монголоязычных тувинцев.

Характерны долготы в основе слова, обусловленные выпадением интервокальных сверхслабых согласных: *дөөй* вместо лит. *дөмей* ‘одинаковый, похожий’, *миис* вместо лит. ‘рог, рога’, что сближает тоджинский диалект с АД; соответствие **й** ~ **ч** в анлауте: *йер* вместо лит. *чер* ‘земля’; *йаңгыс* вместо лит. *чаңгыс* ‘один’, *йаак* вместо лит. *чаак* ‘щека’, *йем* вместо лит. *чем* ‘пища’, *йөдүр* вместо лит. *чөдүр* ‘кашлять’; соответствие **ч** ~ **й** в анлауте: *чадыы* вместо лит. *ядыы* ‘бедный’, *чөзу* вместо лит. *ёзу* ‘обычай’, *чөрээл* вместо лит. *йөрээл* ‘благопожелание’, *чанз* вместо лит. *янзы* ‘разный’, *чора* вместо лит. *ёра* ‘дурное’ отличает тоджинский диалект от ЛТЯ, в то же время сближает с изолированным кара-хольским говором.

Отличительной особенностью диалекта от ЛТЯ является звуковые соответствия **нь** ~ **ч**: *ньяа* вместо лит. *чаа* ‘новый’, *ньяңгыс* вместо лит. *чаңгыс* ‘один, единственный’.

В области морфологии диалект отличается от ЛТЯ наличием губно-губных вариантов =*ма* // =*па* дательного падежа: *авампа* лит. *авамга* ‘моей матери’. Наблюдается вариативное функционирование форм направительного падежа *дытче* // *дыттыва* // *дыткыды* ‘к лиственнице’ под влиянием ЛТЯ.

Форма ослабления качества прилагательных =*ыйг*: *быгъжый* или *быгъжыйак* лит. *быгъжыыг* ‘довольно прочный’ восходящая к древнетюркскому аффиксу =*кыйа* со значением уменьшительности, сближает тоджинский диалект с рядом говоров (эрзинско-тес-хемским, улуг-хемским, овюрским) центрального диалекта, а также кобдоским говором.

Использование древнеуйгурской формы разделительного числительного на =*ar*/=*er* сближает тоджинский диалект с цагаан-нурским: *Бирер хүн исиг, бирер хүн соок час чаар*, ‘в один день жарко, в другой (букв. один) день идёт холодный дождь’. *Чагъызар-чагъызар кылдыр олуруп албаңар* ‘Не садитесь по одному’. Из сибирских тюркских языков он отмечен в тофаларском, а также в хакасском языках.

Отмечается параллельное функционирование форм составных числительных: а) в виде стяженной сложной основы, где второй компонент, указывающий на десятки подчиняется закону гармонии гласных и сочетаемости согласных как в ЛТЯ: *дөртөн* ‘сорок’, бежен ~ [печён] ‘пятьдесят’; б) в виде стягивающейся формы с ударением на последнем слоге, где сохраняется фонетический облик десятки: *дөртөн* ‘сорок’, *бешөн* ‘пятьдесят’. Данная черта сближает тоджинский с цагаан-нурским диалектом. Вторая форма сложного числительного, где сохраняется фонетический облик аналитического числительного *бешөн* ‘пятьдесят’ сближает тоджинский диалект с тофаларским, уйгур-урянхайским языками и языком жёлтых уйгур.

В настоящее время наблюдается постепенное вытеснение синтетической древней общетюркской формы условного наклонения *бар=са=м* литературной формой *болзумза*.

Диалект также отличает от ЛТЯ и других диалектов преимущественное употребление формы прошедшего времени =*чык*, стяжение аналитических глагольных форм типа *чикаакан* вместо *чип каакан*, употребление древнего вспомогательного глагола бол= вместо тур= в составных именных сказуемых, специфические частицы *һала, хайды*.

В области лексики характерна разветвленная охотничье-рыболовная лексика, лексика оленеводства, проявляющие общность с тофаларским, сойотским, уйгур-урянхайским языками, а также с тере-хольским и цагаан-нурским диалектами.

Таким образом, тоджинский диалект вычленяется на основе диалектных отличий от ЛТЯ на всех уровнях языка. Он передал некоторые свои черты вновь образовавшемуся цагаан-нурскому диалекту. Особенности тоджинского диалекта в области морфологии и лексики сближает его с тофаларским, хакасским, уйгур-урянхайскими языками, они, в свою очередь, унаследованы от древнетюркского, древнеуйгурского, древнекыргызского языков.

Зарубежные диалекты распространены на отдельных значительно отдаленных друг от друга территориях Монголии и Китая. **Алтайский диалект** распространен среди небольших этнодисперсных групп тувинцев, проживающих в Монголии и Китае, по западной и восточной сторонам горного хребта Алтай.

Диалект имеет следующие отличительные черты по сравнению с ЛТЯ в области фонетики: а) спорадическое проявление фарингализации, за исключением кобдоского говора, что обусловлено этнической и языковой ассимиляцией у части носителей АД; б) полностью освоенное произношение *ч* в ауслaute и *ц* в заимствованиях, что объясняется освоением артикуляционно-акустической базы монгольского языка; в) наличие аллофонов [æ], [ö], [õ], что сближает АД с речью монголоязычных тувинцев Нарына, Качыка Эрзинского кожууна Тувы, с носителями цагаан-нурского диалекта; г) произношение долгого [a:] в слове *аайтыыр* 'говорить' и других случаях в начале слова является характерной особенностью и интегральной чертой, объединяющей АД с западным диалектом тувинского языка; стабильное произношение глухого согласного *с* в анлауте алломорфов сравнительной степени прилагательных =*сымаар*, в форме 3-го лица повелительного наклонения =*сын* и условного наклонения =*са*; д) тенденция сужения широких гласных в разных позициях.

В области лексики АД отличается заимствованиями из монгольского и русского языков, которые отличаются закономерностями их фонетического освоения от ЛТЯ.

В области грамматики АД отличается от ЛТЯ: а) двойным оформлением множественности при обозначении группы людей: *чалыычыт* < *чалыы* + *чыт* 'молодёжь', монг. *залуучууд*, *чалыы*=*чыт*=*тар* 'молодёжь'. Данная черта сближает АД с якутским языком; б) использованием лексико-семантического диалектного слова *кылын* вместо лит. *хой*; в) парными словами с

начальным м второго компонента: *хой-мой* ‘овцы’, *кино-мино* ‘кино всякое’, *шола-мола* ‘клички всякие; в) аналитическими формами с нестяженным вспомогательным глаголом *хайныр* ‘кипеть’, как полифункциональной формы: *кур-кур кайныр* ‘гудеть’; г) полной формой послелога *билен* в значение орудия действия; д) наличием орудного падежа с аффиксом =*нан*; д) отсутствием аффикса =*че* // =*же* у направительного падежа; е) использованием послелога-аффикса =*гуду* // =*куду* и послелога *куду* при оформлении направительного падежа; ё) образованием порядковых числительных при помощи древнеуйгурского аффикса =*нчы*; ж) приблизительных числительных при помощи общетюркского аффикса =*ча*; з) указательного местоимения *дээ* вместо лит. *доо* ‘вон тот’; и) преимущественным использованием вспомогательного глагола *чыт*= вместо *тур*=; что характерно для сибирских тюркских языков, подвергшихся кыпчакизации древнекыргызским языком; й) функционированием разных древних форм условного наклонения: *болсам* наряду с формой *бол=дум=са*; форма *и=се*; к) огузским аффиксом =*к* как формы 1 л. мн. ч. прошедшего времени на =*ды*: *кел=ди=к* ‘мы пришли’; л) аффиксом =*аакай* в форме 1 л. мн. ч. повелительного наклонения: *кел=ээкей* ‘придем-ка’; м) стяженными формами частиц *ёң*, *гин* > *иргин*, что являются собственно диалектными чертами.

В области лексики АД отличается собственными диалектными словами, лексико-семантическими вариантами слов; заимствованиями из монгольского языка, отсутствующими в ЛТЯ. Лексические заимствования из русского, алтайского, казахского и китайского языков характеризуют его отдельные говоры.

В области синтаксиса отсутствует личное оформление именного сказуемого: *мен тыва* вместо *мен тыва кижги мен* или *мен тыва мен* ‘я тувинец // тувинка’; использование модели =*арда* вместо =*арга* в полипредикативных темпоральных конструкциях общей временной соотнесенности: *чедип кэ=эр=де*, *сура=ар бис* вместо лит. *чедип кэ=эр=ге*, *айтыр=ар бис* ‘спросим, когда придет’.

Китайский говор отличает от кобдоского говора спорадическое проявление фарингализации: при отсутствии в односложных словах *ат* ‘лошадь’, *эт* ‘мясо’, но её сохранении в двусложных словах *чеъдер* ‘дойти’, *баъдар* ‘спуститься’. Эти черты сближают говор с цэнгальским.

Проявление последовательной губной гармонии по широкому гласному в трёхсложных словах *өрөмө*, *өрөгө* также можно считать алтайским субстратом в языке тувинцев Китая.

В говоре функционируют две древние формы аффикса принадлежности 2-го лица мн. ч. имен, унаследованных от древнетюркского *йңіз* // *йбїз*; а также сочетанием соответствующего аффикса единственного числа с аффиксом =лар: *-(й)бар*, *-(й)ңар*. В этом китайский говор стоит в одном ряду с киргизским, алтайским, тофаларским и шорским.

Словообразовательные аффиксы: а) =ча со значением ‘язык’ – *могол=ча* ‘монгольский язык’, *казах=ша* ‘казахский язык’; б) =хана в слове *доктурхана*; в) =стан в слове *Тувистан*, г) продуктивный аффикс именного отрицания =сыз – *долук=суз* ‘неполный’; д) продуктивный аффикс именного словообразования =тык – *сускундук* вместо *сускун* ‘напиток’, *орундук* вместо *сандай* ‘табуретка, стул’, *касандык* вместо *печка*, *суугу* ‘печка’, – отличают китайский говор от других говоров АД.

В китайском говоре аффикс принадлежности присоединяется к стяженной форме *оол=ум*, *оол=уң*, *оол=у*, то есть не восстанавливается выпавший сверхслабый г. Спорадическое применение одной из древнетюркских форм принадлежности =ыңыз, обусловленное влиянием казахского языка, является инновационным явлением в данном говоре.

Отличие говора проявляется в заимствованиях из алтайского языка: *дашуур* ‘маленький кожаный сосуд для араки’, *мылча* ‘баня’. Маргинальные контакты со староверами также оставили свой след в китайском говоре в виде русских лексических заимствований: *утук* ‘утюг’, *парен* ‘варенье’.

Говор отличается от других говоров АД большим количеством заимствований из казахского языка: *мектеп* ‘школа’, *саяхат* ‘путешествие, туризм’, *теңге* ‘деньги’ и др., меньше всего из китайского: *май=ла* ‘заниматься бизнесом’, *пен* ‘класс’ и др.; собственно диалектной лексикой: *ус орук* ‘асфальт’ и др.

Цэнгэльский говор отличается от других говоров АД следующими чертами, отличными также от ЛГЯ: формой N=POSS=PL *аьга=м=нар* ‘мой брат старший и с ним другие’, древнеуйгурской формой на =мыш, огузским аффиксом =к 1 л. мн. ч. условного наклонения.

Спорадически проявляющееся фонетическое соответствие *ы ~ а* в анлауте местоимений – *ындыг // андыг* ‘такой’, *ында // анда* ‘там’, *ынчаар // анчаар* ‘такой’ – отличает говор от всего АД, но в то же время сближает с западным диалектом, а также с алтайским языком.

Аналитические способы образования формы условного наклонения отличают от других говоров АД, но в то же время сближают с кара-хольским говором. Лексика охоты на сурка сближает его с монгун-тайгинским, овюрским и кобдоским говорами.

Спорадический характер фарингализации сближает с китайским говором.

Кобдоский говор отпочковался от китайского говора в 1930–1940-х гг.

Говор отличается формой направительного падежа =*зуду*, =*куду*. В речи пожилых людей встречается аффикс =*дыва* с вариантами, что сближает его с тоджинским диалектом и рядом других говоров центрального диалекта. Он показывает вариативность в образовании формы условного наклонения: *мен бер=ди=м=се* ‘если отдам’, *сен бер=ди=ң=се* ‘если отдашь’, наряду с древней формой *бар=са=м* ‘если пойду’.

Используется местоимение *не* ‘что’ как сочинительный союз. Сближается с китайским говором наличием стяженной частицы *ёң*: *чой баар ёң*. лит. *чоруй баар ыйнаан* ‘навверняка уйдёт’.

Из всех говоров алтайского диалекта кобдоский говор не подвержен инновационным явлениям под влиянием казахского языка. Поэтому мы считаем его материнским говором.

Таким образом, многие диалектные черты АД являются рудиментами древних форм: древнетюркского, древнеуйгурского, древнекыргызского; имеются следы маргинальных языковых контактов с монгольским, китайским, русским, алтайским и казахским языками.

Цагаан-нурский диалект распространен на территории сумона Цагаан-Нур Хубсугульского аймака. Основных мест проживания на территории самого сумона (это достаточно обширная территория восточной тайги) три: в самом сумонном центре и его окрестностях, в Восточной тайге и Западной тайге по 25-30 семей.

Диалект отличает неравномерный характер фарингализации (одни носители произносят более долго, другие – более кратко, а

третьи и вовсе не произносят). Вторая отличительная черта в области фонетики – произношение абсолютным большинством носителей глухих или сильных придыхательных согласных в интервокальном положении, что объединяет его с тере-хольским диалектом: *көхей* вместо лит. *көввей* ‘много’, *тахый* вместо лит. *даьгын* ‘снова’, *көшер* вместо лит. *көжсер* ‘перезезжать’.

Наличие в диалекте этих двух черт обусловлено составом носителей диалекта: выходцы из Тоджи, особенно представители речного диалекта, фарингализованные гласные произносят четко, выходцы из Тере-Холя не произносят фарингализованные гласные, используют сильные придыхательные согласные, как при случае соответствия *ч ~ ж* в инлауте: *бечен* вместо лит. *бечен* ‘пятьдесят’, *ачыг* вместо лит. *ажыг* ‘горький’.

Широкий гласный переднего ряда *а́нги* ‘класс’, *а́мтан* ‘живое существо’ в анлауте заимствований из монгольского языка сближает диалект с эрзинско-тес-хемским говором и алтайским диалектом.

Наличие дифтонга *ча́ин* ‘летом’, *ха́индырар* ‘варить’, *да́ин* ‘война’ сближает диалект с тоджинским и алтайским диалектами, в то же время отличает от ЛТЯ.

Последовательное соответствие *й ~ ч* в анлауте: *йоонган* вместо лит. *чоонган* ‘что случилось’; соответствие *нь ~ ч* в анлауте: *ньяа йер* вместо лит. *чаа чер* ‘новое место’, *ньяңгыс* вместо лит. *чаңгыс* ‘один’. Данное явление, характерное для тоджинского диалекта, привнесено носителями тоджинского диалекта во вновь образованный идиом.

Ударение на первом слоге в утвердительном ответе *ийе* ‘да’ объединяет диалект с тере-хольским и тоджинским диалектами, в то же время противопоставляет ЛТЯ и другим диалектам.

В области морфологии цагаан-нурский диалект отличается от ЛТЯ следующими чертами: а) двойным показателем множественности, состоящим из монгольского и тюркского показателей, что сближает язык тувинцев Цагаан-Нура с алтайским диалектом, эрзинско-тес-хемским говором; б) параллельным использованием трех форм направительного падежа: =*че* // =*же*, =*дыва* // =*дыве*, =*гуду* // =*куду*, что обусловлено составом носителей данного диалекта; в) формой ослабления качества прилагательных =*ыйг*: *быгъжий* или *быгъжийак* лит. *быгъжыыг* ‘довольно

прочный', восходящей к древнетюркскому аффиксу =*кыйа* со значением уменьшительности, что сближает цагаан-нурский диалект с тоджинским диалектом с рядом говоров (эрзинско-тес-хемским, улуг-хемским, овгюрским) центрального диалекта, а также кобдоским говором; г) древнеуйгурской формой разделительного числительного на =*ar/er*, как реликтовое явление в цагаан-нурском диалекте, сближает его с тоджинским диалектом. Что составляет отличительную особенность этих двух изолированных территорий. Из сибирских тюркских языков разделительное числительное на =*ar/er* отмечено в тофаларском, а также в хакасском языках.

Отмечается параллельное функционирование форм составных числительных в цагаан-нурском диалекте: а) в виде стяженной сложной основы, где второй компонент, указывающий на десятки, подчиняется закону гармонии гласных и сочетаемости согласных как в ЛТЯ: *дөртен* 'сорок', *бежен* ~ *печён* 'пятьдесят'; б) в виде стягивающейся формы с ударением на последнем слоге, где сохраняется фонетический облик десятки: *дөртөн* 'сорок', *бешён* 'пятьдесят'. Данная черта сближает цагаан-нурский диалект с тоджинским. Вторая форма сложного числительного, где сохраняется фонетический облик аналитического числительного *бешён* 'пятьдесят', сближает данный диалект с тофаларским, уйгур-уряньхайским языками и с языком жёлтых уйгур.

Синтетическая древнетюркская форма условного наклонения *бар=са=м* функционирует наряду с литературной формой *бар=зы=м=за*, как в тоджинском, так и в тере-хольском диалектах. Если в последних двух наблюдается постепенное вытеснение диалектной формы литературной, то данный диалект проявляет вариативность. Эта же отличительная диалектная черта сближает цагаан-нурский диалект с алтайским.

Стяжение аналитических глагольных форм типа *чикаакан* вместо *чип каапкан* 'съел', *чекээр* вместо лит. *чедип кээр* 'придёт', *беркаар* 'отдаст', сближает диалект с тоджинским, в то же время отличает от ЛТЯ.

В области лексики диалект сохраняет в полной мере лексику оленеводства, по сравнению с тоджинским и тере-хольскими диалектами, которые уже начали утрачивать данный пласт лексики. Характеризуется наличием большого количества заимствований из

монгольского языка, отсутствующих в ЛТЯ: *кадаагаты* вместо лит. *даштыкы* ‘иностраный’, *хелемечи* вместо лит. *очулдурукчу* ‘переводчик’, *анги* вместо лит. *класс* ‘класс’ и т.д.; диалектной лексикой: *алажы өг* ‘жилище конусообразной формы из жердей, покрытое брезентом’, *соодаар* вместо лит. *чугаалаар* ‘разговаривать’, *кусук* вместо лит. *тоорук* ‘кедровый орех’, *сыстык* вместо лит. *сыртык* ‘маленькая подушка, наполненная лечебными травами’, *мондур* вместо лит. *долу* ‘град’, *ньеш* ‘хвойный лес’, *тайга* ‘таёжное высокогорье’, *тайга тазы* ‘тундру с гольцами’; Говор отличается наличием разветвленной охотничье-рыболовной лексики.

В области синтаксиса он отличается от ЛТЯ отсутствием личного оформления именного сказуемого: *мен тыва* вместо *мен тыва кижси мен* или *мен тыва мен* ‘я тувинец // тувинка’. Эта черта характерна для зарубежных диалектов тувинского языка, как и использование вспомогательного глагола *бол=* вместо *тур=* в составных именных сказуемых.

Диалект образовался в результате как дивергентного, так и конвергентного развития таёжных изолированных идиом тувинского языка. Поэтому многие диалектные черты сближают его то с тере-хольским, то с тоджинским диалектами. Древнетюркский аффикс *=кыйа* сближает диалект с центральным диалектом. Сложные числительные с негармонирующим вторым компонентом сближают с тофаларским, уйгур-уряньхайским языками и с языком жёлтых уйгур. Древнеуйгурская форма разделительного числительного на *=ar/=er* сближает цагаан-нурский диалект с тоджинским диалектом, а также с тофаларским и хакасским языками. В нем присутствуют результаты маргинальных контактов с монгольским языком.

В заключении подведены краткие итоги исследования.

Предложена многомерная классификация диалектов и говоров тувинского языка. Основной чертой в данной нами классификации является членение местных разновидностей языка на основе лингвистических признаков. Приняты во внимание также экстралингвистические факторы.

Современные диалектные явления тувинского языка сложились как результат междиалектных и межъязыковых связей, как развитие собственных ресурсов. Формирование диалектных черт

происходило путем наложения черт более поздних на более ранние, в результате контактов близкородственных тюркских языков и типологически родственного монгольского языка.

Судьбы языков малочисленных кочевых близкородственных родоплеменных групп Центральной Азии до сегодняшнего дня ведущих традиционный образ жизни демонстрируют модели языковых контактов, которые происходили веками на исконных землях их проживания. Языки малочисленных этнических групп, оказавшись в иноязычной среде, ассимилируются быстрее, если это близкородственные народы со схожей материально-духовной культурой. Например, тувинцы Кобдо, Цагаан-Нура, Селенги, уйгур-урянкайцы ассимилировались среди монголов. Языки дистанцируются, если духовная культура имеет существенные различия, например, тувинцы Китая и Цэнгэла с казахами и уйгурами, при контактах с близкородственными языками, язык большинства оказывает мощное влияние на язык меньшинства. Могут подвергнуться полной языковой и этнической ассимиляции в течение столетия, пример дархатов среди монголов, теленгитов среди тувинцев Китая и Цэнгэла, Монгун-Тайги и т.д. Следы побежденного языка проявляются в виде субстратных явлений.

Вновь образовавшийся цагаан-нурский диалект представляет собой модель изолированного языкового сообщества, ведущего кочевой образ жизни. Он образовался в результате конвергентного и дивергентного развития двух разных диалектов, в основе которых стояли разные идиомы, о чем свидетельствуют материнские диалекты.

В диалектном отношении тувинский язык на территории проживания основной массы носителей языка более однороден, чем на тех территориях, которые оказались оторванными в силу природных препятствий и исторических событий.

Публикации по теме исследования

Монографии

1. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Структура заимствований в тувинском языке. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 2012. – 126 с.

Статьи в журналах из перечня, утвержденного ВАК

1. *Бавуу-Сюрюн М. В.* К вопросу о классификации диалектов тувинского языка // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 3. – Новосибирск: НГУ, 2009. – С. 158–165. (в соавторстве с Х. Гансух, Б. Баярсайхан, У. Цэцэгдарь).
2. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Отражение диалектного членения тувинского языка в фольклорных текстах // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: НГУ, 2011. – № 4. – С. 163–172.
3. *Бавуу-Сюрюн М. В.* О фарингализации в диалектах тувинского языка // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: НГУ, 2012. – № 3. – С. 153–158.
4. *Бавуу-Сюрюн М. В.* О феномене языкового поведения шаманов-тувинцев Монголии // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2013. – № 1. – С. 237–240.
5. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Алтайские элементы в диалектах тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2014. – № 12. – С. 128–130.
6. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Русизмы в диалектах тувинского языка (статья) // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2014. – № 1. – С. 190–191.
7. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Структура русизмов в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2. – Ч. 1. – С. 20–24.
8. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Современные словообразовательные процессы, обусловленные языковыми контактами (на материале тувинского языка) // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: НГУ, 2015. – № 2. – С. 114–123.
9. *Бавуу-Сюрюн М. В.* К вопросу об именовании и классификации Саянских тюркских языков // European Social Science Journal. – 2014. № 11–1 (50). – С. 137–140.
10. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Топонимы как маркеры диалектов и говоров тувинского языка // Новые исследования Тувы. – 2018. – № 3. – С. 18–32.
11. *Бавуу-Сюрюн М. В., Баярсайхан Б.* Монголизмы в тувинских топонимах: сопоставительный анализ географических названий сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии и Тувы // Новые исследования Тувы. – 2018. – №3. – С. 215–224.

**Авторские свидетельства,
приравненные к публикациям в журналах ВАК**

1. *Бавуу-Сюрюн М. В., Соян А. М., Далаа С. М., Бюрбю Ч. А., Шамина Л. А.* База данных «Аналитические скрепы тувинского языка». Свидетельство № 2012621105 от 24.10.201 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

2. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Аранчор Т. А.* Программа для ЭВМ «Частотный словарь по художественным текстам на тувинском языке». Свидетельство №2012618172 от 10.09.2012 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

3. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Цэцэгдарь У., Гансук Х., Баярсайхан Б.* База данных «Словарь диалектных слов алтайского диалекта тувинского языка». Свидетельство №2013621145 от 12.09.2013 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

4. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Аранчор Т. А.* Программа для ЭВМ «Поиск слов в тексте на тувинском языке» Свидетельство №2012618172 от 04.09.2013 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

5. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Монгуш Ч. М., Ооржак Л. Х.* Программа для ЭВМ «Тыва дыл. Сөзүглел. Практиктиг стилистика 10-11 класстарга өөредилге ному» (Тувинский язык. Текст. УМК для 10-11 класса). Свидетельство №2013617990 от 28.08.2013 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

6. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Ондар Ш. О.* База данных «Морфемно-орфографический словарь тувинского языка». Свидетельство № 2015620151 от 28.01.2015 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

7. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Ондар Ш. О.* Программа для ЭВМ «Морфемно-орфографический словарь тувинского языка». Свидетельство № 2015618798 от 18.08.2015 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности

8. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Дамба А. Г.* Программа для ЭВМ «Лексика ландшафта Тувы». Свидетельство № 2015660007 от 18.09.2015 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

9. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Тумат С-Б. К., Хуурак Ч. Б.* Программа для управления сайтом «Писатели Тувы». Свидетельство № 2015660007 от 18.09.2015 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

10. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Ондар М. В., Монгуш Ч. М.* База данных «Тувинские героические сказания». Свидетельство № 2017620090 от 19.01.2017 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

11. *Бавуу-Сюрюн М. В., Далаа С. М., Ондар М. В., Монгуш Ч. М.* База данных «Клише и стандарты в текстах тувинских героических сказаниях».

Свидетельство № 2017620024 от 10.01.2017 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

Учебники

1. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тыва дыл. 8-9 класс (Учебник по тувинскому языку для 8-9 классов, на тувинском языке). – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1993. – 236 с. (в соавт. с *Ойдан-оол А.К., Монгуш Д.А.*).

2. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тыва дыл. 8-9 класс (учебник по тувинскому языку для 8-9 классов, на тувинском языке). Изд. 2-е, испр. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 2001. – 238 с. (в соавт. с *Ойдан-оол А.К., Монгуш Д.А.*).

3. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Амгы тыва литературлуг дылга мергежилгелер чыындызы. (Фонетика, лексикология) (Учеб. пособие для студентов) – Кызыл: Тувкнигоиздат, 2002. – 134 с.

4. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тыва дылдың лексиказынга факультативтер (учебно-методическое пособие) – Кызыл: Тип. КЦО «Аныяк», 2005. – 118 с.

5. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тыва дыл талазы-биле сургуулдарның эртем-шинчилел ажылдарының тематиказы болгаш үлегрелери. – 2-ги үндүрүлгези, немээн. (учеб.-метод. рук. 2-е изд. доп., перераб.). – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. – 122 с.

6. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тыва дыл. 5 класс (учебник по тувинскому языку для 5 класса). – Кызыл: РИО ИРНШ, 2014 (в соавт. с *Доржу К. Б., Сувандии Н. Д., Хертек А. Б., Ооржак Б. Ч., Сарыглар Ч. А.*).

7. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тыва дыл. 6 класс (учебник по тувинскому языку для 6 класса). – Кызыл: РИО ИРНШ, 2015. (в соавт. с *Доржу К. Б., Хертек А. Б., Ооржак Б. Ч.*).

Статьи в других изданиях

1. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Некоторые замечания к тувинским словообразовательным моделям, заимствованным из монгольского языка // Эрдем шинжилгээний ойллого. – Ховд, 2000. – № 2. – С. 112–122.

2. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Влияние русского языка на образование современных тувинских фамилий и имен // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып. 3. – С. 204–205.

3. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Структура топонимов монгольского происхождения на территории Тувы // Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов. – Улан-Удэ: ГУП «ИД «Буряад үнэн», 2005. – С. 233–237.

4. *Бавуу-Сюрюн М.В., Сат Ш. Ч., Кормушин И. В., Кара-оол Л. С.* Тувинский язык // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия: в 3 т. – М.: Наука, 2005. – Т. 3. – С. 118–127. (в соавторстве с *Сат Ш. Ч., Кормушин И. В., Кара-оол Л. С.*)

5. *Бавуу-Сюрюн М. В. , Дамбаа О.В.* Словообразовательные функции слова «чок» в тувинском языке // Эртем бижиктери: ТКУ тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. – Вып. I. – Кызыл: ТывГУ, 2006. – С. 6–8 (в соавторстве с Дамбаа О. В.).

6. *Бавуу-Сюрюн М. В. , Хертек А. М.* Местоименные союзные средства с компонентом «ол (тот)» в тувинском языке // Эртем бижиктери: ТКУ тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. – Вып. I. – Кызыл: ТывГУ, 2006. – С. 83–95 (в соавторстве с Хертек А. М.).

7. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Развитие терминологической системы тувинского языка // Эртем бижиктери: ТКУ тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. – Вып. II. – Кызыл: ТывГУ, 2008. – С. 4–8.

8. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Роль монголизмов в становлении и развитии терминологической системы тувинского языка // Хел, соёл, соёл хоорондын харилцаа. – Ховд, 2008. – С. 75–78.

9. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Некоторые данные лингвистических экспедиций в Цагаан-Нур, Селенгу и Китай // Эртем бижиктери: ТКУ-нуң тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. IV-кү үндүрүлгези. – Кызыл: ТывКУ, 2010. – С. 4–10.

10. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Социоллингвистические заметки о тувинцах Китая // Электр. журн. Новые исследования Тувы. – 2011. – №1. http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3028-bavuu-syuryun.html/

11. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Проблемы адаптации детей тувинских скотоводов к школьному обучению в условиях сумона Цэнгэл Баян-Улгийского аймака Монголии // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – Вып. 1. – Кызыл, 2012. – С. 62–65.

12. *Бавуу-Сюрюн М. В.* XX век в судьбе тувинского языка и его диалектов // Эртем бижиктери: ТКУ тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. – Вып. V. – Кызыл: ТывКУ, 2012. – С. 3–6.

13. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Структура нарицательных существительных, заимствованных из русского языка // Учен. зап.: Ежегодник кафедры тувинского языка ТывГУ. – Вып. 7. – Кызыл: ТывГУ, 2014. – С. 5–9.

14. *Бавуу-Сюрюн М. В., Даваа А.* Цагаан-Нур тываларының чугаазының лексиктиг онзагайлары // Эртем бижиктери: ТКУ тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. – Вып. 7. – Кызыл: ТывГУ, 2014. – С. 12–16.

15. *Бавуу-Сюрюн М. В., Донгак У.* Цагаан-Үүр тухаларының чугаазының лексиктиг онзагайлары (статья) // Эртем бижиктери: ТКУ тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. – Вып. 7. – Кызыл: ТывГУ, 2014. – С. 16–20.

Работы, опубликованные в материалах всесоюзных, всероссийских и международных конференций

1. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Монгольские словообразовательные модели в тувинском языке (тезисы) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. III Междунар. науч. конф. – Томск, 1997. – С. 99–100.
2. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Вопросы глагольного словообразования тувинского языка (тезисы) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. IV междунар. науч. конф. – Томск, 1999. – С. 147–148.
3. *Бавуу-Сюрюн М. В.* О функционировании тибетского письма в Туве (тезисы) // Становление и развитие науки в Туве: Материалы междунар. конф. – Кызыл, 2001. – Ч. I. – С. 19–20.
4. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Закономерности присоединения общетюркского -ЛЫГ к заимствованным из русского языка основам (на материале тувинского языка) // Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая: Материалы междунар. конф. – Абакан: ХГУ, 2001. – С. 14–16.
5. *Бавуу-Сюрюн М. В.* К характеристике аффикса -СЫГ в тувинском языке (тезисы) // Юрта – традиционное жилище кочевых народов Азии: Тез. I Междунар. конгресса. – Кызыл: Билиг, 2004. – С. 42–43.
6. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Социальные аспекты и проблемы организации преподавания родного языка и литературы в национальных образовательных учреждениях (статья) // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 26-28 апр. 2005 г. – Новосибирск: Нонпарель, 2005. – С. 123–127.
7. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тувинский язык в современном его состоянии (статья) // Развитие языков и культур коренных народов Саяно-Алтая: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. 19-20 апр. 2007 года. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. – С. 25–30.
8. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Влияние монгольского языка на словообразовательную систему тувинского языка (тезисы) // Казань и алтайская цивилизация: 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция (Казань, 1-6 июля 2007): Труды и материалы. – Казань: Идел-Пресс, 2007. – С. 27–29.
9. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Вопрос об этнической основе классификации диалектов тувинского языка (статья) // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: Сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Кызыл-Красноярск, 2010. – С. 26–28.
10. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Проблема обучения родному (тувинскому) языку в условиях полилингвизма Северо-Западной Монголии (статья) //

Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации: Материалы междунар. конф. – Новосибирск, 2010. – С. 307–311.

11. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Пути формирования зарубежных диалектов тувинского языка (тезисы) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XI Межрегион. конф. – Уфа, 2011. – С. 33–36.

12. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Проблемы формирования тувинско-русского и тувинско-монгольского двуязычия (статья) // Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В. М. Наделяева): Материалы междунар. науч. конф. – Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2012. – С. 139–145.

13. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Влияние казахского языка на язык тувинцев Китая // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы всеросс. науч. конф. – Уфа, 2012. – С. 29–31.

14. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Судьбы языков кочевых тюркоязычных племен Восточных Саян // Исследование проблем исчезающих языков в условиях глобализации: Материалы Междунар. науч. конф. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. – С. 132–135.

15. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Основные дифференциальные и интегральные черты имени существительного в диалектах и говорах тувинского языка (статья) // Научные труды ТувГУ. – Вып. XI. – Ч. 1. Материалы ежегодной науч.-практ. конф. преп., аспирантов и сотр. ТувГУ с междунар. участием. – Кызыл, 2013. – С. 127–129.

16. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности: Сб. материалов. – М., 2015. – С. 247–251.

17. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Потенциал электронного образовательного ресурса «Тываның чогаалчылары (Писатели Тувы)» // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Междун. научно-практ. конф. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», 2016. – С. 53–58.

18. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Язык и фольклор тувинцев Монголии в базах данных электронных ресурсов на тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2016. – № 4. – С. 77–87 (в соавт. с Х. Гансук). Электр. ресурс.

19. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 4. – С. 4–27. Электр. ресурс.

20. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Проблемы формирования полилингвизма в условиях моноэтнической среды (на материале Республики Тыва) (тезисы) // Китай и русский мир. Международный форум «Язык, культура и «мягкая сила культуры». – Гаунчжоу, Китай, 2016. – С. 30–31.

21. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Идиом уйгур-уряйхайцев Монголии // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVII Всеросс. науч. конф. (Уфа, 1–2 июня 2017 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. – С. 13–16.

22. *Бавуу-Сюрюн М. В., Байыр-оол А.В., Далаа С.М.* О необходимости создания корпуса тувинских диалектных текстов // VII Международный тюркологический конгресс. Тюркские языки под угрозой исчезновения. – Казахстан, Туркестан, 2017. – С. 131–138.

23. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Социолингвистическая ситуация на территориях распространения тувинского языка за рубежом // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы II Всероссийской конференции. Абакан, 2018. – С. 19–27.

Сокращения

ААБ – артикуляционно-акустическая база

АД – алтайский диалект

лит. – литературный

ЛТЯ – литературный тувинский язык

ср. – сравнить

Научное издание

Бавуу-Сюрюн Мира Викторвна

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ
ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА**

10.02.20. – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 2018 г.
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 3,1. Усл. печ. л. 2,9.
Тираж 150 экз. Заказ №
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2